

но и в совершенстве владел ими и благодаря этому легко и непринужденно переключался из сферы литературы в другие родственные сферы искусства. Поэтому с щедростью истинного художника Луначарский прибегал в своих выступлениях к широким ассоциациям и сравнениям, к ярким параллелям и сопоставлениям, которые помогали ему выявить как общность, нерасторжимую связь разных видов искусства, так и их специфические особенности.

Само собой разумеется, что мысль Луначарского о единстве, нераздельности искусства как специфической области познания может быть до конца понята и оценена по достоинству только в свете той общей социально-философской концепции, которую он развивал и отстаивал как один из основоположников и пропагандистов культуры социалистического общества. В своих лучших работах советского периода Луначарский выступил как носитель и популяризатор социально-исторического и эстетического синтеза в объяснении явлений искусства и литературы и благодаря этому внес свой вклад в дальнейшее развитие марксистско-ленинской эстетики.

Особенно успешно этот «синтез» он использовал в своей литературно-критической деятельности тогда, когда оценивал произведения историко-биографического жанра и воспоминания.

«Что разумеет мы под этим марксистским синтезом?» — спрашивал он в своем предисловии к мемуарам Андрея Болотова и пояснял: «Мы разумеет под ним весьма живое воспроизведение того или другого исторического факта, личности, произведения и т. д. и его среды с тем расчетом, чтобы ничего не оставалось не возникающего закономерно именно из условий социального времени и социального пространства»³.

Как видим, Луначарский считал, что только социально-исторический подход дает возможность биографу осветить все стороны индивидуального бытия того или иного деятеля прошлого, его образ мыслей и характер, творческую деятельность и окружение. Только в этом случае изображаемое лицо предстает перед читателем во всей полноте своего социального и индивидуального облика, как конкретная личность и как порождение определенной среды и времени. В этом же предисловии, развивая дальше свою мысль о социально-историческом методе биографической и монографической литературы, Луначарский писал: «Трудно себе представить задачу более благодарную и более полезную, чем такая марксистская биография или монография. Она, во-первых, доказывает мощность нашего метода, во-вторых, она дает в результате полноценнейший жизненный документ, который не может не захватить (в случае успешности исполнения) всякого читателя своей всесторонностью, ибо соединение большого количества конкретных черт, которыми нарисован такой исторический «портрет», с совершенным уяснением общих принципов через их все более конкретное преломление, должно доставлять громадное удовлетворение интеллектуально-эмоционального характера»⁴.

Таким образом, в марксистской биографии или монографии Луначарский усматривал некое единство, высший синтез, достижение которого делалось возможным благодаря познанию сложных связей и отношений личности изображенного человека и его эпохи, частного, отдельного и общего, подробностей и целого. В художественном раскрытии этого неразрывного «соединения» Луначарский видел главное условие для создания подлинно научной биографии.

В этом смысле Луначарский развивал дальше тот «исторический метод», который был рекомендован Ф. Мерингом в написанной им биографии Ф. Шиллера для немецких рабочих. Обосновывая необходимость своего метода, дающего возможность биографу, с его точки зрения, «воскресить»

³ Луначарский А. В. Прошлое, настоящее и будущее. Предисловие к книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Том первый, 1738—1759». М. — Л., «Academia», 1931, с. 110.

⁴ Луначарский А. В. Указ. соч., с. 111.